

ШЕЛКОВОДСТВО В РОССИИ В ПРЕДРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ

П. Я. Букшпан

В предреформенные десятилетия среди всех отраслей промышленности России ведущее положение оставалось за производством текстильных изделий. Оно сосредоточивалось главным образом в центрально-промышленном районе и приносило наибольшие доходы фабрикантам, купцам и занимавшимся промысловой деятельностью крестьянам и мещанам. Особенно бурно развивалась новая отрасль — хлопчатобумажная промышленность. Шелковая промышленность занимала в ряду отраслей текстильного производства последнее место по размерам вложенного капитала и числу занятых рабочих (никогда не поднимаясь по обоим показателям до 10%).

В 40—50-е годы XIX в. в шелковой промышленности не проявлялось устойчивой тенденции к росту (в абсолютных цифрах). В этот период стремительно росло производство бумажных тканей и увеличивались правительственные заказы на солдатские сукна. Общий уровень производства в текстильной промышленности заметно повысился, несмотря на снижение спроса на полотно (и, следовательно, его производства). Уменьшалась доля шелковых тканей в стоимости всей продукции текстильной промышленности. В течение всей первой половины XIX в. происходило переливание капиталов из шелковой промышленности в хлопчатобумажную и частично в шерстяную. В 30—40-е годы такие крупные предприятия, как Фряновская и Купавинская шелковые фабрики, были заняты преимущественно выделкой сукон.

Между судьбой шелковой и полотняной промышленности имелась существенная разница. Производство полотняных тканей свертывалось из-за того, что за границей исчез спрос на парусину и джут, а также усилилась конкуренция со стороны хлопчатобумажных тканей; падение его имело абсолютный и относительный характер. Шелковые же ткани, наоборот, были нужны русскому потребителю. Однако шелкоткацкая мануфактура из-за отсутствия дешевого, но качественного сырья не обеспечивала рыночный спрос на недорогие и изящные гладкие ткани. Развитию промышленного шелкоткачества мешал плохой сбыт более дорогих, чем заграничные, отечественных тканей. В товарной продукции промышленности России шелковые ткани все же занимали определенное, хотя и небольшое место. Шелкоткацкая промышленность являлась, в частности, одной из главных и широко распространенных отраслей хозяйства Москвы и ее губернии.

История русского шелководства в период разложения крепостнической системы дополняет наши представления об экономике сельского хозяйства дореформенной России. Шелководство было органически связано с наиболее развитой в России ткацкой промышленностью, поставляя ей сырье. Развитие и совершенствование шелководства зависело также от уровня сельскохозяйственной науки, от деятельности ученых об-

шеств, которым предстояло вывести эту старинную отрасль сельскохозяйственного производства некоторых районов юга России и Закавказья из состояния длительного технического застоя.

В исторической литературе нет серьезного монографического исследования по истории шелководства в предреформенной России. Однако ряд работ советских историков имеет существенное значение для ее изучения. В своей книге по истории текстильной промышленности К. А. Пажитнов не рассматривает самый процесс получения шелка как сырья для промышленности. Исследуя политику царизма на Среднем Востоке и в Закавказье, М. К. Рожкова попутно осветила и состояние шелководства как отрасли сельского хозяйства, поставляющей промышленности сырье и полуфабрикаты; интересны ее наблюдения, касающиеся попыток капиталистического предпринимательства в области шелководства. Однако состояние шелководства рассматривалось ею лишь под углом зрения политики царского правительства в Закавказье¹.

Первостепенное значение для изучения этой проблемы имеет разнообразный материал, который содержится в официальных периодических изданиях первой половины XIX в., а также в журналах сельскохозяйственных и научных обществ. Больше всего вопросами шелководства занимался «Земледельческий журнал», выходявший в свет с 1821 года². 139 его статей и заметок или специально были посвящены шелководству, или содержали заслуживающие внимания сведения о нем. В «Журнале министерства государственных имуществ» печатались отчеты инспекторов сельского хозяйства южных губерний, в которых уделялось внимание и шелководству. Предметом обсуждения в журнале был вопрос об организации труда и быта занятых производством шелка государственных крестьян. В Одессе с 1832 г. издавались «Записки императорского общества сельского хозяйства Южной России», в которых обсуждались насущные вопросы развития шелководства в южных губерниях страны. В газетах первой половины XIX в. иногда появлялись обзоры и статьи ученых-шелководов и «просвещенных хозяев». В этом плане особенно интересны газеты «Кавказ» и «Коммерческая газета».

В журнальных и газетных статьях доказывалась возможность самого широкого производства отечественного шелка для нужд мануфактурной промышленности. Среди авторов были общественные деятели, посвятившие свои труды сельскохозяйственной науке и практике (С. А. Маслов), помещики южных губерний — энтузиасты шелководства (А. Ф. Ребров, Н. А. Райко, И. Ф. Клепацкий), образованные и знающие дело чиновники (А. П. Заблоцкий-Десятовский, Ю. А. Гагемейстер), иностранные мастера-дельцы (Бонафу, Каstellла, Герзи). Все они говорили о необходимости производства в России шелка как для внутреннего потребления, так и для вывоза за границу. Это был один из злободневных вопросов экономического развития страны, и в первую очередь Московского текстильного района.

Своего шелка в России не хватало, качество его было низким, а заграничные шелк-сырец или пряжа стоили чрезвычайно дорого. Ставился вопрос: может ли Россия освободиться от ввоза иностранного сырья и полуфабрикатов и получать отечественный шелк в достаточном количестве и необходимого качества? Особенно актуальной проблема сырья оказалась в конце 40-х — начале 50-х годов XIX в. в связи с обострением отношений с Францией, итальянскими государствами и Англией. Освобождение от иностранной зависимости стало насущной

¹ К. А. Пажитнов. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. М. 1958; М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М. 1949.

² В 1841—1850 гг. он выходил под названием «Журнал сельского хозяйства и овцеводства», а затем — «Журнал сельского хозяйства».

задачей. Все чаще в середине XIX в. в журнальных статьях можно было встретить утверждение, что «русский шелк» (вместе с закавказским) способен вытеснить большую часть заграничного и тем самым сберечь «государственные миллионы». Созданию предпосылок для осуществления этой возможности и посвящались труды шелководов-практиков и деятелей ученых обществ.

Однако большой общественный интерес к шелководству не соответствовал скромным успехам этой отрасли хозяйства в южных губерниях страны: шелк производился в крайне незначительных количествах. Закавказье также не удовлетворяло всех потребностей. Для шелкоткацкой промышленности, нуждавшейся в большой массе шелков разных сортов, покупали сырье за границей.

Присоединение в XIX в. к России Закавказья и Средней Азии несколько облегчало проблему снабжения шелкоткацких мануфактур центрального промышленного района сырьем. Но в первой половине столетия, когда шли военные действия на значительной части Предкавказья и Закавказья, дело обстояло сложнее. Со всей остротой возникал вопрос о необходимости увеличения прежде всего на юге России производства шелка (начало южнорусского шелководства относится еще к концу XVII в.), о привлечении к нему общественного интереса и внимания фабрикантов тканей.

В конце 40-х годов XIX в. при Московском обществе сельского хозяйства был образован Комитет шелководства. Бессменный непреходящий секретарь общества С. А. Маслов стал председателем этого Комитета. С образованием его усилились поиски практических мер по расширению южно-российского шелководства. Разведением шелка в Новороссийских землях занялось также Общество сельского хозяйства Южной России. И Комитет и Общество делали попытки организовать закупки готовых коконов (для размотки) или даже размотанного шелка. Правда, традиционное недоверие московских фабрикантов к отечественной продукции мешало действиям Комитета шелководства. Расширить дело не удалось: трудно было найти купцов-комиссионеров, которые согласились бы получать после серьезных и долгих хлопот по скупке шелка сравнительно небольшие барыши. В тех случаях, когда помещик проявлял заинтересованность в занятиях шелководством, Комитет, а также Общество сельского хозяйства Южной России обеспечивали его семенами шелковицы и яичками червей. Ученые общества оказывали немалую помощь шелководам. Но воспользоваться ею могли только «образованные» шелководы, читавшие журналы, способные вести деловую переписку. Поэтому практические мероприятия ученых обществ мало касались крестьянских хозяйств.

Представить ясно, как организационно в изучаемое время происходило в разных местах разведение червей и размотка коконов, довольно трудно. То же самое следует сказать и о материально-технической стороне шелководного промысла. В печатных и архивных источниках содержатся высказывания и предположения, касавшиеся необходимой для успеха дела организации шелководческого хозяйства в деревне, рекомендации и теоретические рассуждения по поводу рациональности применения различных усовершенствований, расчеты минимально необходимых для этого средств. Однако никто не занимался детальным описанием подлинного состояния шелководства. Изучение архивных и печатных источников позволяет воссоздать лишь самую общую картину.

В плодородных и еще недостаточно обжитых степных районах юга России распространялись экстенсивные формы ведения сельского хозяйства. Нуждавшееся в значительной интенсификации трудовых усилий шелководство не вызывало поэтому большого практического интереса со стороны крестьян, а также помещиков. Шелководство встречало «сильное соперничество» первостепенных отраслей местного хозяйства, издав-

на вошедших в привычную жизнь крестьянина, прежде всего овцеводства и зернового хозяйства. Причина недостаточного развития шелководства заключалась также в порожденной крепостничеством сложной системе хозяйственных отношений между крестьянином, помещиком, купцом-капиталистом и государством. Эта система в применении к шелководству требовала, чтобы помещичьи крестьяне, разводившие шелковичных червей и получавшие коконы, сдавали их помещику, а тот или организовывал размотку их в своем поместье, или сдавал их на сторону, продавая затем размотанный шелк скупщикам. Но помещики, владельцы плодородных земель, шелком не интересовались. Государственные крестьяне, разматывая шелк собственными силами, кустарно, вынуждены были продавать его мелким скупщикам-посредникам. При этом крестьяне часто не могли возместить издержки своего производства.

Крайне умеренные успехи южнорусского шелководства и в то же время возможность покупать сырье за границей ослабляли интерес ткацких фабрикантов к судьбе этого недостаточно еще развитого сельскохозяйственного промысла. У южнорусских земледельцев не возникла подлинная материальная заинтересованность в шелковом производстве.

Помехами для развития шелководства у государственных крестьян являлись почти полное отсутствие шелкомотален (крестьяне должны были сами разматывать коконы), малая вероятность сбыта коконов и трудность их перевозки на огромных степных просторах без дорог³. Министерство государственных имуществ пробовало наладить покупку коконов или шелка у мелких производителей, но результаты оказались незначительными: мешала разбросанность деревень, населенных государственными крестьянами, и нехватка денежных средств у Инспекции сельского хозяйства. Делались попытки привлечь внимание к южнорусскому шелку фабрикантов Центрального промышленного района, как-то организовать регулярную скупку в значительных масштабах крестьянского шелка. В результате бюрократической переписки между Департаментом земледелия, с одной стороны, и Департаментом мануфактур и внутренней торговли—с другой, было сделано официальное заключение: «Здесьние шелковые фабриканты не имеют заведений для обработки шелка-сырца на основу и уток, а потому сырца не покупают»⁴. Следует также учитывать, что избы крестьян были совершенно непригодны для разведения в них шелковичных червей. Шелководство на юге России почти не облегчало феодальные повинности крестьянства. Оно было такой отраслью сельского хозяйства, которая производила в основном товарную продукцию для промышленности. Крестьяне слабо населенных южнорусских и малороссийских степей в первой половине XIX в. не могли в то же время стать постоянными (надежными для промышленности) товаропроизводителями такого далекого от крестьянского быта продукта, как материал для изготовления шелковых тканей.

Шелкоткацкая промышленность России получала сырье из Закавказья; в Италии и Франции покупались высшие сорта шелка; частично шелк привозился и из некоторых стран Азии. Русским промышленникам и купцам гораздо удобнее было импортировать шелк большими партиями, чем «возиться» с его закупкой в небольших количествах (или даже просто коконов для размотки) на юге России, у мелких производителей. Конкуренция заграничного шелка была одной из важных причин медленного развития южнорусского и отчасти закавказского шелководства.

³ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 2, д. 152, лл. 61—62; оп. 5, д. 1086, лл. 18—18об.; Ф. Ч и ж о в. Историческое обозрение шелководства Киевской губернии. «Журнал сельского хозяйства», 1851, № 8, отд. II, стр. 46—47.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 6, д. 12—13, лл. 8—9, 16.

Несмотря на господствующее убеждение, что разводить червей рациональнее в небольших хозяйствах, на самом деле «шелковичные заводы» часто устраивались в усадьбах помещиков, а также на государственных землях. Размотка же коконов, наоборот, производилась нередко не в специальных крупных заведениях, как того требовал опыт, а кустарно, на примитивных «снарядах».

В некоторых имениях помещиков на Украине и на Северном Кавказе в 40-е — 50-е годы XIX в. производство шелка в год измерялось несколькими пудами. Все работы осуществляли преимущественно барщинные крестьяне и лишь иногда — оброчные. Известный шелковод-селекционер, владелец барщинного имения в Пятигорском уезде, А. Ф. Ребров писал: «Все производство сего дела здесь просто, им занимаются простолюдины, даже дети неграмотные, по навыку». Передовые способы производства «надолго не будут иметь здесь себе ни последователей, ни соперников»⁵. Приблизительные подсчеты «цены производства» и стоимости произведенного в барщинных имениях шелка с учетом стоимости рабочей силы «по вольной цене» показывали, сколь низка была производительность труда и каким дорогим, следовательно, оказывался шелк⁶. В оброчных имениях труд крестьян мог быть более производительным, если помещик, обеспечивая размотку, принимал у них в счет оброка готовые коконы. Иначе разводить шелковицу и выкармливать шелкоичных червей не имело смысла. Организованной скупки большими партиями коконов купцами и агентами московских фабрикантов на обширной территории юга России в 30-е — 50-е годы XIX в. так и не производилось. Среди государственных крестьян занятия шелководством зависели от поощрительных мероприятий министерства государственных имуществ, а также его органов на местах.

В начале 50-х годов XIX в. некоторые надежды подавали шелковые плантации в имениях украинских помещиков. В целом же участие помещиков в развитии отечественного шелководства ограничивалось поощрением крестьян (если они были на оброке) к насаждению тутовых деревьев и разведению коконов. Если же иногда помещик был знатком и организатором дела, то он применял барщинную систему эксплуатации крестьян-шелководов, которые в этом случае не имели материальной заинтересованности и не могли проявить инициативы. Все это задерживало развитие шелководства.

Значение шелководства в разных губерниях и областях юга России было неодинаковым. Территории, примыкающие к Закавказью, объединенные административно в составе Кавказской области, давали в некоторые годы $\frac{2}{3}$ всего русского шелка (без закавказского). Здесь существовала древняя культура шелководства. В 1814 г. во всей Кавказской области было получено 324 пуд. шелка. Если в последующие годы цифра иногда и возрастала, то незначительно. Недостаток капиталов, нехватка амбаров для выкормки червей, малое количество свободных рабочих рук — вот причины того, что здесь производство шелка оставалось столь ограниченным⁷. Правда, тогдашняя статистика учитывала лишь тот шелк, который в размотанном виде поступал в продажу. Между тем, по наблюдениям сведущих лиц, значительная часть шелка, преимущественно низкого качества из-за плохой размотки, употреблялась самими шелководами для домашних нужд. Сардинский мастер-шелковод Герзи, обследуя южнороссийское и закавказское шелковод-

⁵ Там же, ф. 18, оп. 2, д. 599, л. 15об.

⁶ У А. Ф. Реброва в 1839 г. шелководством 1,5 месяца (сезон) занималось 48 барщинных крестьян (3 тыс. человеко-дней) для получения 4—5 пуд. шелка. Экономисты считали его дело невыгодным (см. А. З а б л о ц к и й. О шелководстве в Юго-Восточной России по сю сторону Кавказа. «Отечественные записки», 1839, т. VI, кн. 10, отд. V, стр. 4—5).

⁷ «Северная почта, или Санктпетербургская газета», 22.V.1815.

ство в 1835 г., обнаружил, например, в Моздоке шелковицы почти у каждого жителя, но шелк в торговлю не поступал⁸.

В пределах самой Кавказской области занятия шелководством территориально были распределены неравномерно. Подавляющая часть шелка производилась в Кизляре и его округе. Плодородная почва и благоприятный климат способствовали быстрому росту шелковицы. Ее нежный и питательный лист позволял успешно выкармливать червей, а коконы могли давать вполне качественный шелк. Кроме того, вокруг Кизляра росло много диких тутовых деревьев, пригодных для пищи шелковиичным червям. Но кизлярский шелк разматывался плохо и давал много отходов (охлопки, или так называемый хлопчатый шелк), которые использовались совершенно недостаточно. По мнению Герзи, производство шелка в окрестностях Кизляра можно было по крайней мере удешевить⁹.

Однако удаленность этого района от культурных и экономических центров России мешала проникновению в хозяйственную жизнь передовых веяний сельскохозяйственной науки. Примитивные орудия для развития шелководства медленно заменялись более совершенными и удобными. Отсутствие хороших дорог затрудняло сбыт. С шелководством соперничало виноделие, продукты которого не встречали такой серьезной иностранной конкуренции, как шелк. Кроме того, близость театра военных действий и территорий, охваченных движением горцев Кавказа, препятствовала устойчивому развитию хозяйственной жизни в крае.

Вопрос об использовании отечественного шелка в ткацкой промышленности 30-х—50-х годов XIX в. рассматривался, как правило, в двух аспектах: увеличение производства и улучшение качества шелка Кавказской области, точнее, кизлярского. На этом основывалась реальность разрешения сырьевой проблемы (и, само собой разумеется, она базировалась также на производстве закавказского шелка). Кроме того, в литературе того времени обсуждались возможности распространения промышленного шелководства в разных частях России. Постепенно выработывалась общая точка зрения на этот вопрос. В 1838 г. «по высочайшему повелению» в 3-й департамент государственных имуществ был представлен доклад о путях развития шелководства в России. Его автор утверждал, что можно считать окончательно выясненным вопрос о нерациональности, по климатическим условиям, производить шелк в Саратовской, Харьковской, Киевской и большей части Подольской губерниях. Надежнее и успешнее представлялось развитие шелководства в губерниях Екатеринославской, Херсонской и незначительной части Подольской. Поэтому здесь «не следовало оставлять правительственной опеки» над производством шелка. В докладе основное внимание обращалось на Кавказскую и Бессарабскую области, Таврическую и Астраханскую губернии. «Однако и тут главная заботливость правительства должна бы состоять преимущественно в том, чтобы обеспечить шелководам сбыт производимых ими коконов, для чего в особенности полезно поощрять устройство заведений для размотки коконов и небольших фабрик для выделки простых шелковых или полушелковых материй. Меры эти наиболее нужны в Кавказской области, где жители Кизляра, полуразоренные, из шелководства извлекают средства к своему пропитанию»¹⁰.

С выводами автора доклада совпадали замечания Герзи. Как он установил, в Крыму, около Феодосии и по всему южному берегу, шелководство могло бы идти очень успешно и доставило бы жителям значительные доходы, если бы велось правильно. Климат и удобное сооб-

⁸ См. «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов». СПб, 1866, т. III, № 10, отд. «Промышленность и торговля», стр. 143—145.

⁹ Там же, стр. 143.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 2, д. 152, лл. 61—62сб.

щение с Европой и с Центральной Россией были здесь для него весьма благоприятны. Тем не менее шелк в Крыму производился в незначительных количествах¹¹. Официальный орган министерства государственных имуществ «Земледельческая газета» дала довольно оптимистическую оценку перспектив развития шелководства в южных губерниях. Вместе с тем она указывала на одну из главных причин тогдашнего недостаточного развития производства шелка: отсутствие шелкомотальных заведений¹². В 1838 г. в Крыму производилось всего 20 пуд. шелка. Множество шелковиц оставалось без употребления: не было уверенности в возможности сбыть шелк. По той же причине шелк разматывался и продавался на месте в грубом виде, между тем как его качества допускали отличную выделку. В Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерниях шелководство не получило широкого распространения в крестьянском хозяйстве. Причем большая часть шелка не принимала товарной формы¹³.

В 40-е годы XIX в., по официальным сведениям, шелководство заметно распространилось в Бессарабии. Особенно выросли там насаждения тутового дерева. Коконоводством занимались в помещичьих имениях, а также государственные крестьяне и болгарские колонисты. Эта отрасль хозяйства получала квалифицированных работников для казенных плантаций из числа учеников Бессарабского училища садоводства. Производство шелка, однако, ограничивалось лишь 30—50 пуд. в год. Почти весь шелк не принимал товарной формы и потреблялся на месте для изготовления домашней одежды. Развитию бессарабского шелководства мешало, как и всюду, отсутствие шелкомотальных заведений. Та же картина наблюдалась в Подольской губернии¹⁴. Помещики Бессарабии и Таврической губернии не имели средств для организации шелкомотания в крупных масштабах. Их пугали затруднения в сбыте размотанного шелка. Вытеснить итальянский и французский шелк с ткацких фабрик Московской, а тем более Петербургской губерний казалось им делом маловыполнимым для русских шелководов. Капиталистические тенденции в шелководстве, определяемые потребностями в отечественном сырье для промышленности, сдерживались социально-экономическими факторами (прежде всего крепостное право), а также географическими и историческими условиями (недостаток многовековой культуры шелководства).

На особом положении находилось шелководство в немецких меннонитских колониях Новороссийского края. Южные колонисты в 40-е — 50-е годы XIX в. вели многоотраслевое хозяйство; значительное место в нем занимало шелководство. Согласно заключению, сделанному обследователем состояния сельского хозяйства Южной России, шелководство в меннонитских колониях делало «блестательные успехи». Меннониты одной только Таврической губернии в 1846 г. добыли шелка 63 пуд., в 1847 г. и в 1848 г. — по 80 пуд.¹⁵ В 1852 г. специальная комиссия Московского общества сельского хозяйства во главе с С. А. Масловым произвела тщательное и подробное исследование шелководства некоторых меннонитских колоний (молочанских и хортицких). Она обнаружила ряд положительных моментов в тамошней организации шелководства. Число шелковицных деревьев у отдельных хозяев увеличилось благода-

¹¹ «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов». Т. III, № 10, отд. «Промышленность и торговля», стр. 145—146.

¹² «Земледельческая газета», 27. IX. 1849, стр. 612—613.

¹³ «О шелководстве в Крыму». «Земледельческий журнал». 1838, № 6, стр. 459.

¹⁴ «Обзор действий Департамента сельского хозяйства в течение 5 лет, с 1844 по 1849 год. Шелководство». «Журнал министерства государственных имуществ», 1849, № 9, разд. «Действия правительства», стр. 172—173.

¹⁵ Там же, стр. 172. Меннониты — религиозная анабаптистская секта. Во второй половине XVIII в. ее представители начали переселяться в Россию по приглашению правительства Екатерины II. Они селились главным образом в Таврической и Екатеринославской губерниях.

ря существованию общественного тутового питомника. Колонисты использовали для выводки червей все домашние помещения, более просторные, чем у русских крестьян. Помещение позволяло также ставить 1—2 размотные машины. Но размоткой занимались не сами шелководы, а особые размотчики. Постепенное улучшение размотки шелка у колонистов происходило в результате совершенствования машин и приобретения навыка размотчиками. Был учрежден надзор за размоткой на всех 150 станках для составления из малых количеств шелка однообразной партии в несколько пудов в соответствии с требованиями московских фабрикантов. Молочанские и хортицкие шелководы были убеждены в выгодах, получаемых от этой отрасли хозяйства. Возникло же это убеждение вследствие возможности для шелководов получить немедленное вознаграждение за труд. Плата за коконы и шелк служила поощрением шелководам и размотчикам, которые, имея в своих семьях лишние рабочие руки, могли между яровым посевом и сенокосом выкармливать червей или в остальное время разматывать шелк¹⁶.

Поселенные на обширных плодородных землях замкнутыми колониями меннониты — хлебопашцы и ремесленники — оказались мало связанными с крепостническими устоями хозяйства русской деревни. Среди них встречались сравнительно богатые хозяева, сумевшие скопить деньги и пустить их в хозяйственный оборот. Земледельческие занятия меннонитов дополнялись по-капиталистически организованным сельскохозяйственным промыслом — шелководством. В его развитие был вложен некоторый капитал, хотя бы для покупки размотных машин или организации общественных шелкомотален. И все же шелководство и здесь было только дополнительной отраслью хозяйства. «Судя по обилию земли и большому хлебопашеству, должно предполагать,— писал в 1852 г. автор обозрения сельского хозяйства М. Волконский,— что еще пройдет много времени, пока в Таврической губернии будут выводить столько же шелковичных червей, как в Закавказском крае»¹⁷. Отдельные поселенческие колонии в обширном и богатом Новороссийском крае не определяли его хозяйственного лица. В ходе дальнейшего заселения степных земель значение хортицких и молочанских колоний для шелководства падало. Несколько десятков пудов шелка меннонитов не могли решить сырьевой проблемы в России.

Опыт хорошо организованного производства шелка в молочанских и хортицких колониях и успех в разведении тутовых деревьев военными поселенцами на юге России и на Украине (здесь дело не доходило до производства самого шелка) явились еще одним доказательством возможности в отдельных местах юга страны производить шелк в промышленных целях. В дореформенной России эта возможность претворялась в жизнь крайне медленно и недостаточно эффективно.

Правительство не было безучастно к вопросам, связанным с поощрением шелководства в Южной России. Казна через специально созданную инспекцию шелководства проявляла немалую заинтересованность в производстве отечественного шелка. Первые попытки поощрить развитие шелководства в стране сталкивались с фискальными и податными интересами самодержавно-помещичьего государства. Когда в начале 30-х годов XIX в. в связи с распространением жаккардовского станка и организацией выставок мануфактурных изделий заметнее стали успехи шелкоткачества, правительство пошло по пути увеличения ассигнований в

¹⁶ С. Маслов. Обозрение шелководства в южных губерниях по поручению Императорского Московского общества сельского хозяйства. М. 1853, стр. 69; «Обзор действий Департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в России в течение 10 лет, с 1844 по 1854 год». СПб, 1855, стр. 224—225.

¹⁷ М. Волконский. Обозрение сельского хозяйства в Таврической губернии. «Журнал сельского хозяйства», 1853, № 4, отд. 1, стр. 34.

области шелководства, несколько расширило штат инспекции. На содержание ее и вообще на расходы по «заведыванию» шелководством отпускалось ежегодно из казны около 25 тыс. рублей¹⁸. Огромные земельные пространства, находившиеся в зоне южнорусского шелководства, требовали значительных средств на оплату разъездов чинов инспекции. Содержание 41 служащего (инспекторов, шелкомотальщиков, учеников) также стоило немалых денег, несмотря на мизерность выплачиваемых им окладов. На развитие собственно шелководства, на покупку у крестьян коконов и шелка из 25 тыс. руб. у казны оставалась, вероятно, очень небольшая сумма.

С учреждением в 40-х годах XIX в. министерства государственных имуществ связаны новые мероприятия по поощрению в России шелководства. Департамент сельского хозяйства пришел к заключению, что для успеха дела не следует применять принудительные меры. Однако различного рода предписания продолжали выходить из недр правительственных и местных канцелярий. Министерство государственных имуществ рекомендовало своим чинам и агентам на местах обратить преимущественное внимание на распространение передовой практики частных лиц, поощряя их деятельность на поприще шелководства. В печатных органах министерства, кроме описания отдельных шелководческих хозяйств, приводились материалы об опытах и наблюдениях, которые имели место в сельскохозяйственных учебных заведениях. В 1841 г. инспекция шелководства была расширена и преобразована в общую инспекцию сельского хозяйства Южной России. В ведение новой инспекции стали входить училища шелководства и образцовые тутовые плантации. В 1845 г. были приняты меры к сохранению существовавших в разных местах шелковичных плантаций. Казенные тутовые плантации и заведения отдавались желающим в оброчное и даже безоброчное содержание. Получить это право было нелегко из-за разного рода бюрократических проволочек. К 1850 г. в разных губерниях 110 казенных плантаций ожидали прихода рачительных хозяев¹⁹. Плантации не могли стать образцовыми хозяйствами даже в тех случаях, когда они действовали более или менее продолжительное время: в мелком крестьянском хозяйстве неприменим был опыт и методы большого казенного или «общественного» (на паях) хозяйства.

Мероприятия правительственных учреждений по организации промышленного шелководства были неэффективны. Правительство оказалось неспособным воздействовать на развитие шелководства в достаточной широкой мере, не смогло материально заинтересовать крестьян — ни помещичьих, ни государственных. Дело в том, что поощрение шелководства, содействие частным хозяевам правительство пыталось осуществлять с минимальными денежными затратами (или почти без них). В фондах министерства государственных имуществ имеется дело о выделении средств для награждения отличившихся шелководов. Все министерские инстанции соглашались в том, что необходимы меры поощрения занятий шелководством. Но вопрос об ассигновании сумм, исчислявшихся всего несколькими сотнями рублей (больше изыскать не смогли), потребовал долгой бюрократической переписки. Также несколько лет длилось дело об оказании небольшого денежного пособия двум черниговским шелководам (1850 г.), которые в конце концов вынуждены были свернуть свое хозяйство²⁰.

¹⁸ «Взгляд на историю шелководства в России». «Журнал министерства внутренних дел», 1832, № 8, стр. 35.

¹⁹ См., например, ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 12, д. 4044; д. 4046, лл. 22—23; В. Кочетов. Историческое исследование о шелководстве в Харьковской губернии. «Журнал сельского хозяйства», 1855, № 3, отд. 1, стр. 297—298.

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 12, д. 4046, лл. 43об.—44, 53—53об.; сп. 14, д. 4519, лл. 1—71.

Промышленное шелководство требовало больших затрат для организации производства и сбыта сырья, остро необходимого развивавшейся ткацкой промышленности страны. Помещики свободных денег не имели. Не хватало капиталов и у растущей русской буржуазии. Самодержавно-помещичье государство было тогда единственной силой, которая могла бы взять на себя материально-техническую поддержку этой отрасли хозяйства, экономически стимулировать занятия шелководством. Правительственная политика, однако, имела в основном административно-принудительный характер. Шелководство насаждалось искусственно, вне связи с хозяйственными традициями крестьянского населения. Через инспекцию распространялись сведения о способах разведения шелка, шелководы снабжались семенами тутового дерева и яичками червей; хотя и в малых размерах, осуществлялась скупка коконов и шелка у населения. Мероприятия инспекции крестьяне встречали настороженно и даже враждебно. Такие отношения, естественно, препятствовали развитию и упрочению шелководства. Это признавалось даже властями.

К концу 50-х годов XIX в. южнорусское шелководство, насаждаемое на территориях с земледельческим населением, практически не обеспечивало потребностей шелкоткацкой промышленности хотя бы только Московской губернии (петербургские фабрики всегда работали на импортном сырье). Там, где шелководство являлось издавна народным промыслом (в Новороссийском крае и в Кавказской области, особенно в районе Кизляра), искусственные меры поощрения были не нужны. Требовалась лишь правильно организованная система сбыта коконов и шелка-сырца, обеспечивавшая шелководам доход. Однако развитие шелководства слабо стимулировалось материальными интересами. Некоторое оживление наступило лишь в связи с Крымской войной: повысился спрос на отечественный шелк. В 1856 г. на большинстве ткацких мануфактур его использовали для производства изделий массового спроса. Особенно хорошо вплоть до 1858 г. сбывали свою продукцию шелководы меннонитских колоний. Но затем наступил застой. В целом же шелк южных губерний России удовлетворял не более 1% спроса на сырье.

В ином положении находилось шелководство в Закавказье. Здесь насущной задачей было не введение шелководства, существовавшего с давних времен, а его приспособление к потребностям ткацкой промышленности России, нуждавшейся в дешевом, но высококачественном сырье. Шелковые ткани, выделанные из низких сортов шелка, нужны были малоимущим слоям населения, да и то для праздничной одежды или украшения. На это и употреблялся шелк из Кизляра или Закавказья, значительная часть которого даже не принимала товарной формы. Но рынок требовал изделий из шелка, необходимых имущим сословиям. Последние хотели покупать ткани высокого качества, которые выделялись из лучших сортов шелка. Поэтому в шелкоткацкой промышленности приходилось использовать дорогой импортный шелк. Социально-экономическая и политическая обстановка Закавказья 30—40-х годов XIX в. мало способствовала прогрессу в шелководстве. Некоторые сдвиги произошли лишь в 50-е годы. Социально-экономические процессы, совершавшиеся в предреформенной России, почти не находили отклика в хозяйственной жизни Закавказья. Закоснелость социальных, организационных и технических форм хозяйства отразилась и на шелководстве, несмотря на его богатые возможности.

Исследователи Закавказского края единодушно отмечали его замечательные природные условия, благоприятные для выращивания многих сельскохозяйственных культур, не привившихся в других местах России. В частности, тутовые деревья росли в Закавказье в диком состоянии. Их разведение и распространение не требовали от жителей особых стараний. Такое же положение было и с выведением коконов. В Азербайджане, особенно в Нухинском уезде, шелководство являлось основным и

почти единственным средством существования местного населения. В горных районах было мало удобной земли, поэтому садоводство, шелководство и виноделие оказывались выгодными занятиями. Шелководные коконы, полученные в благоприятных природных условиях, обладали потенциально хорошими естественными свойствами. Задача заключалась в том, чтобы коренным образом реорганизовать методы размотки коконов²¹. Таково было господствующее убеждение. Помещик-шелковод и общественный деятель Н. А. Райко и А. Ф. Ребров настаивали, однако, на дальнейшем улучшении и породы червей и приемов шелководства, то есть проведении ряда мероприятий по селекции, требовавших более или менее длительного времени. Они не отрицали того, что в ближайшем будущем можно получить закавказский шелк высокого качества и в таком количестве, которое позволило бы удовлетворять потребности ткацкой промышленности России, да еще некоторую часть его вывозить в Европу.

Полученный в значительных количествах шелк (главным образом в Азербайджанских провинциях) частично обесценивался его невысоким качеством. Здесь господствовали стародедовские приемы шелководства, отсутствовали элементарная чистота и порядок. Огромными были потери коконов. Крайне мало делалось для улучшения породы червей. Шелк сматывался также устарелыми способами, только в 8—12 коконов. Европейские сорта разматывались обычно в 5 коконов и были лучшего качества. По цене шелк Закавказья приравнялся к азиатским шелкам, но был в 2 раза дешевле европейского сырца. Главный же недостаток его заключался в способах размотки на мотовилах большого диаметра. Полученные на них небрежно выделанные мотки были неудобны для обработки. Такой шелк не находил выгодного сбыта ни среди московских фабрикантов, ни за границей. Но даже длинные мотовила имелись не всюду. В Имеретии и Мингрелии употреблялись еще более примитивные приспособления — крестообразные палочки, на которые и сматывался с коконов шелк. Попытки русских купцов-предпринимателей и шелководов ввести в Закавказье мотовила обычного размера (принятого в развитых странах) в 30—50-е годы не имели ощутимого успеха. Несколько десятков таких мотовил было ввезено в Закавказье. Н. А. Райко назвал внутреннюю причину экономического порядка, задерживавшую, по его мнению, упорядочение размотного дела. Чтобы размотать шелк, произведенный в Закавказских провинциях, «нужно 30 000 душ мужского пола»; «мусульманские и немусульманские женщины в той стороне не пойдут ни за что покамест на фабричную работу, а отнять 30 000 рабочих рук от полевых работ чуть ли не хуже бы было самого сохранения прежнего образа мотания»; «на европейский лад один и тот же работник делает в 4, даже в 6 раз менее рабсты, нежели когда мотает по-обыкновенному»²².

Некоторые успехи в распространении современных методов шелкомотания стали заметны только к началу 50-х годов. В 1853 г. в Нухе продавалось уже 100 пуд. шелка правильной размотки²³. Эти первые успехи убеждали сторонников более быстрого экономического развития Закавказья в необходимости разматывать коконы на месте, а не везти их в Москву. Подсчет показал, что пуд шелка, правильно размотанного в Нухе и доставленного в Москву, стоил 48 рублей. Размотка же привезенных в Москву коконов обходилась в 66 руб. 70 коп. за пуд (и это

²¹ Кастелла и Дидло. О шелководстве в закавказских провинциях и способах к улучшению оною. «Коммерческая газета», 23.IV.1827; «Журнал министерства внутренних дел», 1850, № 11, стр. 139—140.

²² Н. А. Райко. О размотке за Кавказом... «Журнал сельского хозяйства», 1854, № 6, отд. 1, стр. 140.

²³ Ю. Витте. О состоянии шелководства за Кавказом. «Журнал сельского хозяйства», 1854, № 2, отд. 1, стр. 118—120.

без учета потерь от порчи в дороге)²⁴. Кавказский наместник в 40—50-е годы XIX в. провел ряд мер по налаживанию размотки шелковичных коконов. «Учебным начальникам» были переданы новые машины и некоторая сумма для содержания на казенном счету 5—10 учеников специальной школы шелководства в Царь-Абаде. Уплачиваемый в счет повинностей податной шелк учитывался с выгодой для тех, кто сдавал его размотанным на мотовилах малого диаметра²⁵. Однако административные меры, не подкрепленные широко развитым капиталистическим предпринимательством, оказались малоэффективными в условиях отсталой экономики Закавказского края.

Для заметного совершенствования производства шелка были необходимы денежные средства, чтобы перестроить всю организацию и техническое оснащение шелководства — исконного занятия и промысла жителей. Древность шелковичного промысла, с одной стороны, и вся совокупность политической, экономической и военной обстановки в Закавказье — с другой, обуславливали сохранение примитивных и малопродуктивных способов получения шелка. Интенсификация шелководческого хозяйства была практически невозможна. К тому же просветительная и поощрительная деятельность акционерных и ученых обществ на обширной территории края была явно недостаточной. Отдельные хорошо оборудованные хозяйства местных шелководов были редким исключением. Помещичьи поборы, казенные подати, откупная система, внутренние таможенные пошлины — все это до середины XIX в. сильно разоряло экономику Закавказья, где типично феодальный гнет сочетался с колониальной политикой царизма²⁶.

В дореформенной России спрос на закавказский шелк, а следовательно, и на его производство поднимался в зависимости от условий сбыта шелковых тканей. Чем хуже шла торговля обычной продукцией шелкоткацких мануфактур (гладкие и узорчатые ткани для одежды), тем больше приходилось производить, даже на лучших предприятиях, дешевых, грубо выделанных изделий «для народа» (ленты, платки, кушаки), на которые употреблялся шелк Закавказья. В 50-е годы XIX в. спрос на него повысился из-за Крымской войны, приведшей к снижению импорта итальянского и французского шелка.

Вопрос о том, что следует сделать для улучшения качества шелка Закавказья, был предметом обсуждения в ученых обществах и в экономических журналах. Назывались такие мероприятия, как введение правильного тутового садоводства, улучшение породы червей, изменение методов их выращивания, отказ от получения коконов в больших заведениях, введение новых способов размотки, повышение материальной заинтересованности шелководов. Практический интерес вызвали опыты по размотке коконов в сухом, сжатом виде в специальных шелкоразмотных заведениях России, приближенных к ткацкому производству (главным образом Московской губернии). Первый успех, достигнутый в этом деле, породил мысль, что продажа шелководами 30 или 40 тыс. пуд. сжатых коконов гораздо выгоднее, нежели плохая размотка на месте²⁷. Однако промышленная размотка сжатых коконов не оправдала себя в хозяйственной практике того времени.

Некоторый след в судьбе закавказского шелководства оставила образованная в 1836 г. компания (на паевых началах) — Общество для

²⁴ Ю. Витте. Замечания на статью Г. Антропова... «Кавказ», 6. X. 1854, стр. 312.

²⁵ «Обзор действия наместника Кавказского для развития сельского хозяйства с 1845-го по 1850-й год». «Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России», 1851, № 5, стр. 274—275.

²⁶ Об экономических условиях Закавказья см.: М. К. Рожкова. Указ. соч.; ср.: П. В. Гугушвили (составитель). Сельское хозяйство и аграрные отношения. Т. I. Дореформенный период. Тбилиси. 1937.

²⁷ «Земледельческая газета», 4.V.1851, стр. 281—283.

распространения за Кавказом шелководства и торговой промышленности. Общество имело ряд льгот и развернуло деятельность в самых шелководческих местах Закавказья. Оно получило в пользование все казенные тутовые сады в Шекинской провинции — на 5 лет бесплатно и на 25 лет — со взносом определенного процента. Государственные крестьяне (так называемые речбары), приписанные к садам, на 30 лет поступали в распоряжение общества на тех условиях, на которых распоряжалась ими казна. Обществу было отведено 5 тыс. десятин казенных земель для разведения тутовых плантаций. Все 30 лет оно не платило повинностей и налогов, пользовалось торговыми правами, присвоенными первой гильдии²⁸. Через 10 лет после своего основания, в 1846 г., общество констатировало недостаточность своих успехов в производстве коконов и попросило новых льгот²⁹. Открытая им в 1843 г. школа шелководства в Нухе ощущала недостаток в учениках.

Общество для распространения за Кавказом шелководства и торговой промышленности не учитывало особенностей издавна существовавшего в ряде районов Азербайджана шелководческого хозяйства. Все его опыты и начинания проводились на больших земельных угодьях, в крупных червоводнях и осуществлялись наемной рабочей силой или принудительным трудом речбаров. Однако для мелких хозяйств был малоприменим опыт шелководства в крупных заведениях акционерной компании, часть которых можно было назвать образцовыми. Кроме того, порядки самодержавно-крепостнической России, безусловно, отрицательно отразились на деятельности по-капиталистически организованного общества, хотя в состав его и входили некоторые представители петербургской чиновничье-сановной знати. Общество широко применяло меры принуждения в тех случаях, когда пользу могли принести только поощрения и материальная заинтересованность. Так, оно добилось разрешения насильственного переселения раскольников, подвергшихся репрессиям со стороны правительства, в Шекинский уезд. Поселенцы получали некоторую ссуду и были обязаны заниматься шелководством. Условия их жизни оказались настолько тяжелыми, что в течение года многие умерли от болезни, часть разбежалась. На оставшихся общество разложило все долги по ссудам (поселенцев связали круговой порукой), разорив их окончательно. Даже представитель царской администрации на Кавказе наместник кн. М. Воронцов считал эту меру несправедливой, а затею разводить шелковичных червей с помощью ссыльных поселенцев — нереальной³⁰.

То же общество пыталось осуществить капиталистическое предпринимательство в организации размотки. Покупая коконы, а также выращивая их на своих плантациях, оно производило их фабричную размотку. Однако здесь мешал недостаток средств, чрезмерная «скудость» центральных и местных правительственных органов. В 1843 г. министерство государственных имуществ отказалось выдать обществу ссуду в 1 250 руб. для изготовления и распространения мотовил уменьшенного размера. Правление общества выразило по этому поводу недоумение, указывая на то, что новые мотовила нужны в одинаковой степени и шелководам и казне (после введения новых мотовил податной шелк оказался бы более высокого качества). Возник спор: правительство или акционерное общество могут и должны воздействовать на жителей, чтобы последние применяли новые, более совершенные способы размотки шелка. Этот не нашедший разрешения конфликт между министерством государственных имуществ и Обществом для распространения за Кавказом шелководства и торговой промышленности весьма показателен: самодержавное правительство не желало расходовать средства и брать на

²⁸ «Земледельческая газета», 2. VI. 1836, стр. 345.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 10, д. 3151, лл. 15об.—16.

³⁰ Там же, лл. 2—6.

себя заботы по экономическому развитию окраины страны — Закавказского края.

В то же время общество капиталистов-предпринимателей не было в состоянии настолько распространить и укрепить дело, чтобы капитальные затраты в широких масштабах окупались и приносили необходимую прибыль. Акционерный капитал общества составлял 2 млн. руб. ассигнациями. Эта сумма была недостаточной, если учесть, что общество занималось одновременно шелководством, промышленной обработкой шелка и торговой деятельностью. Были достигнуты определенные успехи в шелководстве, размотке и прядении. «Но все эти улучшения в червопитании и размотке шелка не приняты туземцами, — писала газета «Кавказ», — они остаются при своих грубых, неуклюжих азиатских способах и не увлекаются высшими ценами, по которым продается шелк компании, обработанный по европейским способам»³¹.

Закавказское шелководство даже в его запущенном состоянии оправдывало себя и приносило государству доходы. В начале 30-х годов XIX в. казна собирала 365 пуд. податного шелка на общую сумму около 25 тыс. руб. серебром. Разные поборы, связанные с получением шелка, давали дополнительно еще 25 тыс. рублей. Однако податной шелк составлял не более 2% всего вывоза в Москву. Остальная масса проходила обычный процесс купли-продажи. С отменой устаревших феодальных повинностей и поборов в 50-е годы XIX в. шелк из Закавказья устремился на рынки сбыта по сниженным ценам и во все более возрастающих количествах.

Производительность закавказского шелководства почти не интересовала статистику первой половины XIX века. Учитывалось лишь то количество, которое сдавалось в виде подати и продавалось на ярмарках. Что же касается шелка, который выдывался и потреблялся в хозяйствах самих производителей, то сведения о нем недостаточно надежны и противоречивы. Кастелла, проехав все шелководческие провинции, писал в 1827 г., что 30 тыс. пуд. сырья шелкоткацкая промышленность могла бы получить в любое время³². Примерно ту же цифру назвал известный экономист Л. В. Тенгоборский. Корреспондент Московского общества сельского хозяйства Ю. Витте высказался осторожнее — от 24 до 32 тыс. пудов³³. Сведения, собранные по приказанию кавказского наместника, показывали, что за 10 лет, с 1839 по 1848 г., в Закавказье было произведено товарного шелка 16—18 тыс. пуд. в первые годы, а к концу десятилетия — 20—21 тыс. пудов³⁴. Автор специального обзора в газете «Кавказ» считал производство шелка к началу 50-х годов XIX в. равным 30—35 тыс. пуд., причем примерно 1/4 часть его не принимала товарной формы. Незначительная часть шелка продавалась в Персию, в Россию же вывозилось не менее 2/3 всего производимого количества³⁵. Примечательно более раннее по времени утверждение Кастеллы, что из Закавказья значительная часть шелка вывозилась в Персию (а не в Россию)³⁶.

К середине XIX в. промышленность России (Московской губ.) стала требовать все больше отечественного шелка. Это было связано прежде всего с развитием шелкоткацких мануфактур в Москве и ее губернии (особенно в Богородском уезде), где скоро и хорошо научились «обращаться с закавказским шелком», как писал обозреватель газеты «Кавказ» в 1851 г., подчеркивая, что для шелководства наступила относи-

³¹ «Кавказ», 7. I. 1850, стр. 7.

³² «Журнал мануфактур и торговли», 1827, № 3, стр. 90—106; № 5, стр. 59—82.

³³ Л. В. Тенгоборский. О производительных силах России. Ч. 1. М. 1845, стр. 288; «Журнал сельского хозяйства», 1854, № 2, отд. 1, стр. 97—99.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 17, д. 5616, л. 46.

³⁵ «Шелководство на Кавказе и за Кавказом». «Кавказ», 13. VII. 1851, стр. 219; ср. с данными кавказского наместника.

³⁶ «Коммерческая газета», 25. VI. 1827.

тельно «благоприятная эпоха»³⁷. Расширялся круг московских предприятий, использовавших шелк Закавказья. Его покупали не только мелкие и средние производители тканей, но и крупные фабриканты. Импортный шелк стал применяться лишь для изготовления дорогих тканей (да и то часто с примесью закавказского).

Шелкоткацкая промышленность, развивавшаяся по капиталистическому пути (хотя и намного медленнее и мучительнее, чем хлопкоткачество), нуждалась в радикальном решении сырьевой проблемы. Количественная ее сторона имела тенденцию в предреформенной России к частичному решению с помощью закавказского шелка. Однако попытки улучшить качество сырья для ткацкой промышленности не давали ощутимых результатов из-за преобладания в стране отсталой системы шелководства.

Высказываемые в периодической печати первой половины XIX в. взгляды на пути развития шелководства и мнения по поводу его организационных форм лишь частично давали ответы на вопросы, которые волновали ученых-шелководов и хозяев-практиков. Шелководству были свойственны специфические трудности, связанные с особенностями этой отрасли сельского хозяйства и промысла. На юге России условия климата являлись не совсем благоприятными для шелководства. Недостаточной оказалась агрономическая и зоотехническая культура не только в крестьянском, но и в крупном помещичьем хозяйстве, специализирующемся преимущественно на производстве хлеба и скотоводстве. Повседневный быт крестьян был тяжелым, исключавшим при отсутствии прочных традиций и навыков возможность заниматься трудоемким и кропотливым делом, каким являлась организация тутовых плантаций, выводка коконов и их размотка. В Закавказье положение усложнялось политической и военной обстановкой. Несмотря на большие потенциальные возможности шелководства в ряде районов Закавказья, капиталистическое предпринимательство оказывалось здесь недостаточно эффективным. Капиталы устремлялись в те отрасли, где можно было с меньшими затратами быстрее получить прибыль.

Значительное общественное внимание к шелководству возбуждалось деятельностью Московского общества сельского хозяйства. Это объяснялось практическими потребностями шелкоткацкой промышленности Московской губернии. Противоречие состояло в том, что промышленный спрос на сырье недостаточно стимулировался ткацкими фабрикантами (им не хватало для этого свободных капиталов). Тогда не могли еще возникнуть стихийно устанавливающиеся временами в развитом капиталистическом хозяйстве пропорции между промышленным и сельскохозяйственным производством.

И все же положение не было безнадежным. Россия имела свой шелк. Определенной становилась тенденция к постепенному облегчению к середине XIX в. сырьевой проблемы для шелкоткацкой промышленности страны. Правда, и в пореформенной России шелководство южных губерний не имело промышленного значения, представляя собой скорее домашний промысел. Часть шелка перерабатывалась на месте в изделия, удовлетворявшие потребности населения, остальное же количество приобреталось одной из крупных ткацких фабрик Москвы³⁸. Гораздо больших успехов шелководство достигло в Закавказье. Однако шелк Закавказья (даже вместе со среднеазиатским) лишь в отдельные годы удовлетворял большую часть потребностей ткацкой промышленности России в сырье.

³⁷ «Шелководство на Кавказе и за Кавказом», стр. 219.

³⁸ См. В. П. Литвинов-Фалинский. Шелковая промышленность в России. СПб. 1902, стр. 4.